

О различиях кооперативов.

Тема моего выступления: кооперативы, государство и народные движения при По приглашению президента Межрегиональной кооперат. федерации Валерия Писигина я был на ее последней конференции в Набережных Челнах и сейчас попробую уложить услышанное разнообразие позиций по В 4 типа условно выделенных мною по городам своих наиболее ярких представителей: 1. Москвичи, 2. Набереж-челнинцы, 3. Челябинцы, 4. Ярославцы.

Конечно, никаких доказательств правильности такого деления у меня нет, но надеюсь, оно сможет стать полезным приемом обсуждения. За основу деления я взял нервный узел многих наших дискуссий: отношения самих кооператоров к ценам на свою продукцию и услуги.

Рассмотрим по порядку.

1. Первый тип кооператоров, москвичи, наиболее последовательно отрицают необходимость придерживаться госуд. цен и последовательно отстаивают свободу рыночных цен уже сегодня, что с первого взгляда кажется весьма симпатичным. Вот нестрогий пересказ мыслей кооператора из Москвы:

"Кооператоры работают на рыночных условиях и потому цены на их продукцию неизбежно устанавливаются на высоком уровне рыночного равновесия. В условиях дефицита безнадежно требовать низких цен и высокого качества предлагаемых кооператорами товаров и услуг: раз потребитель берет все, что предлагается..."

Тут прервем цитату и вспомним: мы живем в обществе, где пока господствует планово-директивная система, где конкуренции почти нет и поэтому равновесные цены на дефицитные товары-услуги неотличимы практически от монопольных цен черного рынка, ныне легализованного под именем кооперативного. Но ведь известно, что черный рынок кардинально отличается от нормального, что ~~монопольный рынок~~ он служит лишь дополнением к сектору, средством выкачивания монопольной прибыли под видом якобы свободной рыночной торговли. Ссылки на теорию рынка, когда рынка на деле нет — просто некорректны. Такие ~~призывы~~ ссылки-фразы реально нацелены на кооператоров не на конкуренцию и наращивание производства, а на корей на сохранение дефицита, при котором без больших трудов можно получать большие доходы. / Но продолжим цитату:

"Государство породило кооперативы и потому противопоставлять их государству — абсурд. Сегодня кооперативы производят менее 1% оборота страны, большой роли не играют, авторитета не имеют, и потому нет никаких оснований для создания политической организации... 85% населения против кооператоров, так о чем же вы разговариваете? Лучше добиваться небольших, но реальных успехов... Вот в Венгрии кооператоры делают 15% оборота и то не ни одного депутата."

Надо признать, что такие призывы к умеренности вызывают у слушателей в Челнах немалое раздражение, в том числе и у меня.

10 лет назад, ведя дискуссию в самиздатских сборниках "Вопросы экономических свобод", я брал под защиту чернорыночников, как людей, деятельность которых на деле необходима плановому хозяйству нашей жизни возможной.

Сегодня, когда они большей частью легализованы и защищены, я, не отступая от прежней позитивной оценки, должен подчеркнуть консервативную роль этих якобы рыночников; они дополняют госмонополии и заинтересованы в их сохранении. Как в ~~позднем~~ средневековые ростовщики были заинтересованы в сохранении феодальных отношений, или как новейшие компродоры заинтересованы в диктате иностранных монополий. Отсюда и склонность к приспособлению, к союзу с бюрократией. А с нарождающимися народными движениями, к сожалению ждет их, видно, конфронтация, непонимание.

2. Вторая яркая группа кооператоров на конференции была представлена ее хозяевами - членами самой МКФ, созданной в Набережных Челнах с помощью политклуба им. Бухарина. Поэтому я называю их ЧЕЛНИНЦАМИ или "политиками-коммерсантами".

От столичных кооператоров их выгодно отличает не только более решительная критика бюрократии, но и иное отношение к своим ценам. Они тоже назначают высокие цены на свою продукцию, но делают это вынужденно, а не идейно. Вот, к примеру, слова кооператора из Ленинграда:

"Надо объяснять людям причины высоких цен кооперации: высокие госцены на сырье-оборудование без обычных оптовых скидок, - и высокие отчисления/ и поборы."

Еще ярче высказался т. Анушко из Челнов:

"Летом прошлого года бюрократия уступила нам в вопросах о налогах. Зато теперь отыгрывается в ценах на оборудование, которое продается кооператорам в 5-10 раз дороже, чем госпредприятиям. Пока здесь не будет равенства, кооперация останется прихвостнем у гос. сектора."

Я согласен с ним. Это неприятное определение относится и ко второму типу кооператоров - челнинцам. Раз они соглашались через свои высокие цены изымать деньги от населения, чтобы платить ими бюрократии, то роль их не только неблагоприятно, но и опасна для судеб перестройки.

Ведь в глазах людей кооператоры сегодня выглядят главными выжигами и потому на них падает то недовольство 85% населения, о чем уже говорил. Роль государственных поборов при этом не видна, а виновной оказывается сама свобода рыночных цен, вся экономическая ~~опаша~~ перестройка.

И чем больше при этом мы будем взывать к полезности рыночных законов и свобод, тем больше люди будут ощущать обман, тем хуже будет их отношение к кооператорам, сильнее тяга к реставрации старой системы государственных запретов. Не осознав вредности либерально-рыночной фразы у тех, кто по жельию или вынужденно, но согласился стать денежным насосом для бюрократии, я убежден - мы загубим перестройку.

Конечно, ^{положительное} значение челнинцев я оцениваю много выше, чем москвичей. При приспособляясь экономически, они хотя бы политически борются с гос. монополиями, воюют за честную конкуренцию с госсектором, за равенство.

Политическая активность челнинцев идет по двум направлениям:

I/ Первое: агитация в народе: "Мол, нас часто не уважают за высокие цены, их надо объяснять людям, идти в кино, в театры, подкрепляя это филантропией типа бесплатной столовой или лотереей милосердия."

Мне лично все это не нравится. Думаю, что агитация и филантропия

способны лишь углубить основное противоречие: монопольно изымать деньги у народа, а потом тратить их частью на самооправдание. Вряд ли это поддержат народные движения.

С людьми кооператором гораздо правильней объясняться через истинные потребительские общества. Ни Госкомцен, ни Госстандарт, а сами потребители должны контролировать качество товаров и устанавливать, по возможности, цены доступные им и не приводящие к исчезновению товаров. Только такое взаимопонимание и может оправдать коммерцию челнинцев.

Второе направление политики челнинцев — обращение к верхам, привлечение журналистов и ученых, мечты о своих депутатах и даже о платных — от кооперации — советниках у Горбачева и Рыжкова, чтобы те добивались равенства кооперативов с госсектором, общественного контроля над выпуском денег и взиманием налогов, защиты прав и безопасности кооператоров и т.п.

Но успех этой политики зависит от столичной интеллигенции, от ее чуткости и понятливости и, конечно, если она не станет вновь проявлять своей злосчастной способности к сочинению очередных ученых утопий и очередных бюрократических структур.

3. Третья, сегодня может, самая многочисленная группа была представлена такими мощными объединениями, как Челябинская ассоциация/1500 кооперативов. Проблемы цен для челябинцев как бы и нет. Видно потому, что работают они, в основном, внутри госсектора. Забирая в аренду убыточные цеха и даже предприятия, повышая производительность и организацию труда, они работают, конечно, по госценам и на сырье — оборудование и на конечную продукцию. Это сразу отсекает у челябинцев соблазн быть чернорыночным насосом ^{госмонополий} ~~госсектора~~. Однако несомненно положительная роль челябинцев во многом обеспечивается тем, что работают они не на потребительский рынок, а на план, на бюрократическую систему.

Представьте себе, что подразделения Минводхоза преобразуются в кооперативы и с еще большим рвением начинают рыть каналы и губить природу. Кого станут винить? — К нашему счастью, — Минводхоз, хотя по совести, следует винить и исполнителей — кооператоров: зачем берутся за ненужное или даже вредное дело?

В развороте дел челябинцев есть и немалая опасность: усиливая деятельность отдельных госпредприятий, они чаще всего умножают наш общеэкономический развал, усиливают поток неоплаченных потребителем денег, что на мой взгляд и происходило в минувшем году.

Поэтому общеэкономические преобразования должны обгонять рост кооперативов челябинского типа, чтобы работали они прямо на людей, на рынок. Только тогда, как мне кажется, у челябинцев может появиться твердая поддержка будущих народных движений.

4. И, наконец, четвертую точку зрения на цены ярко выразил на конференции представитель 200 кооперативов из Ярославля.

"Наш основной принцип: продавать только по госуд. ценам и этим завоевывать доверие население, сплоченность с народом, овладеть рынком товаров и услуг."

В его поддержку раздавались и другие голоса:

"мы работаем для народа и на его деньги... Народ поверит нам, если мы будем работать по госценам, мы и сами против торгашей."

Этих голосов было немного, но ведь и на конференцию приехали представители лишь одной десятой части кооперативов страны. Возможно, что это были голоса как раз неприехавших маломощных трудовых кооперативов из уголков всей страны.

На первый взгляд этот ярославский принцип выглядит ретроградно, антирыночно, но на деле, думаю, как раз он направляет усилия кооператоров по пути экономической конкуренции с госпредприятиями, там, где это возможно, делает их нравственными и динамичными творцами перестройки.

Почему?

Во-первых, потому что ярославцы работают в нужном народу деле, на потребительский рынок.

Во-вторых, они работают по приемлемым народу ценам и потому одобряются им,

В-третьих, отказываясь от монопольно высоких цен, они реально отказываются содержать бюрократию, поддерживать ее монополию.

Все ранее перечисленные соблазны и опасности отношений кооператоров с государством, ярославцы отвергают твердым самоограничением: "Работать надо для народа и по приемлемым для него ценам!"

Конечно, далеко не везде можно работать по госценам и нам надо понять, правильно ли ярославцы делают, отказываясь от работы в таких отраслях хозяйства, где еще нет для них равенства с госсектором.

Я лично склонен согласиться с ними. Якобы пассивная позиция ярославцев на деле действенна. Во всяком случае, вся нынешняя перестройка страны вызвана не столько нашими диссидентскими воззваниями и протестами, сколько растущим неучастием народа в системе и близящейся от того катастрофой.

Как я понял, взгляды ярославцев далеки от столичного наукоподобного лоска, говорят они открыто и деловито, критичны к проектам политиков и кооперативных организаторов, прижимисты в деньгах. Деловитости и экономности представляются мне привлекательными чертами этих народных и по-коммунистически аскетичных кооперативов, ценящих каждую народную копейку.

Важно, что именно такие, одобряемые народом кооперативы крепче всего могут быть связаны с народными движениями в российских областях и национальных республиках, быть их экономической базой. Недаром в стране уже известен массовостью и успешностью действий Народный фронт Ярославля. Не склонны они бороться и за особых депутатов от всесоюзной кооперации. Депутаты и интересы областных движений им гораздо ближе. И это крайне важно и очень хорошо.

Ведь кардинальный вопрос перестройки — консолидация народных движений по областям, по регионам. В национальных республиках соединение таких движений с кооперативными ассоциациями происходит естественно, для огромной России об этом пока можно лишь мечтать. Однако опыт Ярославля обнадеживает. Думается, что именно на соединении кооперативов ярославского типа с местными экологическими, право-

защитными ~~движениями~~ и иными обществами, возникнут сильные областные и республиканские народные фронты, как истинное основание для широкого областного самосознания и действий, для пробуждения и самоорганизации ~~наших~~ — не имперско-сталинской, а действительно свободной и федеративной России, истинно ленинского, т.е. свободного Советского Союза.

В заключение я хочу подчеркнуть ~~еще~~ еще раз свое общее положительное отношение ко всем типам кооператоров. Не сомневаюсь, что общество должно поддерживать и защищать всю кооперацию в целом, как людей лично свободного труда и жизни — но, конечно, и не закрывать глаза на их различия, и не охранять их от здоровой критики.

Прошу прощения за, возможно, особую критичность к "столичным рыночникам" — на правах давнего столичного жителя и давнего защитника рыночных идеалов."
